

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 151 (3652)

Четверг, 20 декабря 1956 г.

Цена 40 коп.

ЗА РУБЕЖОМ

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

«Нью-Йорк таймс» получила задание...

Несчетно писало о нравах буржуазной прессы. Она может черное превращать в белое. Она способна лгать, не краснея, запутывать, извращать так, что обмануть и не подозревать неправды. Пресса — немалая сила, но при капиталистическом строе используется она преимущественно во вред народам, во вред простым людям, делу мира, прогрессу. Печать и радио в руках монополий — это несчастье и позор человечества, это большое препятствие на путях культуры и мирного сотрудничества наций.

По этому грустному поводу нет надобности делать расследования. Возьмите любой номер любой из последних буржуазных газет, хотя бы «Нью-Йорк таймс» за 16 декабря. И хотя бы одну корреспонденцию Джона Раймонда из Вашингтона. Она опубликована на первой полосе под крупным заголовком: «Соединенные Штаты опасаются, что Советский Союз может прибегнуть к войне, дабы избежать серьезных проблем».

Сам по себе этот заголовок — «откровение». Только за него Джону Раймонду все капиталистические корпорации США должны были выдать крупные денежные премии.

В самом деле, подумайте, в каком затруднительном положении пребывают сейчас министры и военные лидеры Запада! Чем могут они мотивировать огромные расходы на вооружения? Как оправдать увеличение этих вооружений и военных приговоров, только что запланированное на Парижской сессии НАТО?

Легенда об «агрессивности» СССР, возникавшая и исчезающая тысячу раз чуть ли не со времен гражданской войны в нашей стране, когда все до одного «таймсы», чтобы оправдать иностранную интервенцию против молодой Советской республики, ввертели об опасности большевистского вторжения в Лондон, Париж и Нью-Йорк, — эта легенда теперь уже окончательно скомпрометирована. Она разоблачена, несмотря на все могущество капиталистической прессы и радио, обрушивающих на своих слушателей и читателей тонны лжи ежедневно, ежедневно, на всех языках, не исключая и русского.

И вот новое, поистине «блестящее» событие. До сих пор сообщалось, что Советский Союз вот-вот нападет на «западную цивилизацию» по той причине, что он невероятно силен. Теперь, оказавшись, он неизбежно должен напасть на другие государства, потому что якобы... стал слаб и испытывает «затруднения».

«Нью-Йорк таймс» сообщает таинственным шепотом: «Как сегодня стало известно, угроза того, что Советский Союз может прибегнуть к войне, чтобы выпутаться из своих нынешних трудностей, — вот главное положение, из которого исходит нынешняя внешняя политика Советских Штатов».

Автор этой бесподобной по своему индизмиту тирады находится в самом Вашингтоне. Его должность и состоит в том, чтобы сообщать в Нью-Йорк, в свою редакцию, последние нюансы и изгибы официального мышления в правящих американских кругах. А посему он со всей скромностью (а также и в целях саморекламы) именуется свое сообщение «самой авторитетной оценкой современных проблем», то есть принадлежащей не ему самому, а кому-то из Вашингтонских верхов.

Вы думаете, что скорый на исполнение полученный в Вашингтоне задания Джон Раймонд пытается привести в своей статье какие-нибудь доказательства в пользу новой версии об «агрессивности» СССР?

Нет, их нельзя обнаружить в статье «Нью-Йорк таймс». Вся эта статья, несмотря на ее сенсационный и, скажем прямо, провокационный заголовок, наполнена совершенно другими доводами и доказательствами. Она пытается подвести читателя к выводу, будто бы теперь появилась возможность напасть на Советский Союз, начать мировую войну, войну в Европе. При этом приводятся способы, методы, которые могут быть использованы Атлантическим блоком для развязывания новой мировой войны.

Раймонд, во-первых, сообщает, что в Вашингтоне сейчас «не рассматривается» ни вопрос о сокращении вооружений, ни о выводе войск США из Западной Германии. Во-вторых, подтверждается, что как в прошлом, так и в ближайшем будущем «Соединенные Штаты приветствуют беспорядки в странах-сателлитах» (так буржуазная пропаганда именует страны народной демократии). И, в-третьих, Раймонд мечтает о «беспорядках» на территории ГДР. Если бы это случилось, то, по его словам, «Соединенные Штаты считают, что было бы трудно удержать западных немцев от оказания помощи восточным немцам» (читай, диверсантам, засылаемым в ГДР из Западной Германии).

Короче говоря, это новый рецепт резкого обострения международной обстановки. Заголовок статьи, обвиняющий Советский Союз, — только прикрытые, неуклюжая маскировка.

Истинная «служебная» цель выдумки «Нью-Йорк таймс» едва ли будет достигнута. Ведь эта цель состоит в том, чтобы подвести новую пропагандистскую базу под вновь раздуваемую атлантическим сообществом гонку вооружений. В Париже стратеги НАТО решили, что только усиление «холодной войны» поможет им устранить противоречия, раздирающие их военный блок. Однако именно вооружения и ненормальности «холодной войны» породили те экономические и политические трудности, которые переживает сейчас Англия, Франция и другие участники этого блока. Поэтому ни новые военные авантюры, ни увеличенные военные расходы, которые столь неуклюже пытается теперь оправдывать и объяснять народам «Нью-Йорк таймс», не принесут западному блоку ни желанного «единства», ни морально-политической прочности.

Провокаторы из «Нью-Йорк таймс», как обычно, ошибаются во всем: и в оценке обстановки, и в своих рассуждениях о «затруднениях» социалистического лагеря, и, главное, в своих «стратегических» выкладках. Атлантическое сообщество не выдержит из своих неслыханных затруднений, затруднений не выдуманных, а подлинных. И его стратеги отлично понимают, что война не даст им этой возможности. А если не понимают, то тем хуже для них.

Киррил ДЕНИСОВ

В РЕДАКЦИЮ

«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через «Литературную газету» выразить свою глубокую благодарность всем организациям, коллективам, товарищам, друзьям, всем лицам, приславшим мне поздравления и приветствия в связи с шестидесятилетием со дня моего рождения и награждением меня орденом Ленина

Николай ТИХОНОВ

Сегодня — седьмой день декады

В большом концерте с участием смешанного хора Дома культуры имени Яна Торма, ансамбля народных танцев филармонии и солистов были исполнены произведения эстонских и русских композиторов, современные песни и романсы. Рабочие преподнесли артистам букеты цветов.

ПРАЗДНИЧНО. торжественно открылась выставка изобразительного искусства Эстонии. Около тысячи работ, представленных в залах Академии художеств, дает яркое представление о развитии национальной живописи, скульптуры и графики.

Москвичи увидели произведения основоположников эстонского изобразительного искусства — живописца И. Кёлера и скульптора А. Адамсона, полотна таких мастеров-портретистов, как А. Лайкмаа и Н. Трийна, картины художников реалистического направления, развивавшегося в борьбе против реакционных художественных течений двадцатых годов нашего века. Своеобразно и выразительно творчество графика Э. Вийральта, получившего мировое признание. Глубокое впечатление оставляют работы А. Йохани, погибшего в 1941 году от рук оккупантов.

Современные художники Эстонии, следуя по пути социалистического реализма, отображают революционные события отечественной истории, труд и быт советских людей, красоту родной природы.

Открывая выставку, заместитель министра культуры Эстонской ССР П. Уусман отметил, что эстонская живопись, скульптура и графика развивались на основе опыта мирового и в особенности русского изобразительного искусства. О большой и серьезной работе, которую проделали художники Эстонии за последние годы, о расширении тематики и повышении их мастерства говорил народный художник РСФСР В. Ефанов. В своем выступлении народный художник РСФСР М. Маннер отметил, что эстонские живописцы, скульпторы, графики внесли и вносят драгоценный вклад в советское изобразительное искусство.

ЭСТОНСКОЕ государственное издательство выпустило в декаду книгу «Об эстонской литературе». В сборнике более тридцати статей. Они знакомят русского читателя с крупнейшими явлениями в истории эстонской классической и современной литературы. Читая сборник, можно получить довольно полное представление о состоянии эстонского литературоведения и критики в послевоенный период.

Критические статьи сборника разнообразны. Здесь и монографии, и литературоведческие работы, и статьи полемического характера.

В ЧЕРА в Союзе писателей СССР началось обсуждение поэтических произведений эстонских писателей.

знакомят русского читателя с крупнейшими явлениями в истории эстонской классической и современной литературы. Читая сборник, можно получить довольно полное представление о состоянии эстонского литературоведения и критики в послевоенный период.

Критические статьи сборника разнообразны. Здесь и монографии, и литературоведческие работы, и статьи полемического характера.

В ЧЕРА в Союзе писателей СССР началось обсуждение поэтических произведений эстонских писателей.

На снимках: слева направо — юные певцы худсоветской самодеятельности Дворца культуры Загорска со своими новыми друзьями — участниками смешанного хора Дома культуры имени Яна Торма; справа — Ф. Котта передает подарком заведующей библиотекой Дворца культуры В. Загорочевой — книги эстонских писателей. Фото А. Ялина

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО

Заметки об эстетическом новаторстве социалистического реализма

Я. ЭЛЬСЕРОВ

В спорах о социалистическом реализме, происходивших за последнее время как у нас, так и за рубежом, нередко исчезала основная эстетическая сторона вопроса: социалистический реализм отрывался от мирового художественного развития и превращался в понятие чисто мировоззренческое или даже чисто политическое.

Уже отмечалось также, что наша критика склонна была ограничиваться более или менее механическим приложением самых общих определений социалистического реализма к творчеству любого советского писателя, вместо того чтобы в наиболее выдающихся произведениях социалистического реализма искать черты и признаки, обогащающие наше представление о последнем как о творческом методе и позволяющие дать ему все более многостороннее определение.

В социалистическом реализме получила дальнейшее развитие крайне важная поступательная тенденция всего предшествующего художественного развития человечества, заключающаяся во все более многостороннем и широком изображении действительности и человека. Тенденция эта, развивавшаяся в прошлом, разумеется, не прямолинейно, а порой чреватая эстетическими утратами, теснейшим образом была связана с **примирением литературы в глубь противоречий общественной жизни, психологии и быта народных низов.** Конечно, такая тенденция автоматически еще не вела за собой эстетических открытий. Пример тому «Джунгли» Э. Синклера. Лишь подлинное богатство содержания выливалось в новаторскую форму. Стихийность масс и рост сознательности простого человека; инстинктивные влечения людей и их интеллектуальные обличья; действительность с ее темными и светлыми сторонами; процессы соединения рабочего класса, а чем дальше — и все более широких народных масс с социализмом, — все это, определяющее основное содержание социалистического реализма, влекло за собой и обогащение его художественной палитры.

1. Эстетическое новаторство социалистического реализма получило свое рельефное выражение в творчестве его основоположника. Горький изобразил жизнь народных масс при капитализме и их пути к будущему, к социализму. В его творчестве мы видим образы и человека страшной жизни, необузданных инстинктов и еще только просыпающегося сознания (напомним «Жизнину»), и образы людей, стремящихся внести в жизнь своего народа ясно осознанные идеалы и передовую мысль. Горький сумел показать и «священные мерзости» дореволюционного быта, и «красоту и силу мысли» передовых людей, и показал их не в отвлеченном противопоставлении, а в столкновении, в сложном взаимодействии и движении.

Горький с еще невиданной в мировой литературе смелостью рисует внутренние противоречия духовной жизни простого человека, «...трудную, грязную драму борьбы животного в человеке, который стремится к победе над стихией в себе и вне себя. Если в мире существует нечто поистине священное и великое, так это только непрерывно растущий человек...».

Поэтому в обрисовке одного и того же лица Горький, используя самые различные краски, часто подчеркивает громадную амплитуду колебаний его чувств и мыслей, вскрывает кричащие противоречия его поведения и характера (вспомним, например, старика Ваширина, пекаря из «Хозяина», солдат из одноименного рассказа). Горькому доступно изображение и самых глупых и отвратительных физи-

ческих и нравственных уродств (к примеру, в финале «Сторожа») и такой пластически совершенной красоты, какой овеян образ «королевы Марго».

Но все эти резчайшие контрасты, перемены, падения и взлеты никогда не принимают у Горького характера чего-то неподвижного и застывшего, а потому и безысходного. Перед нами непримиримая борьба, бешеное движение жизни, ее, если использовать слова Герцена, «кипение вперед», ее революционное развитие.

Горький показывает, как из пестрой сумятицы инстинктивных влечений, из той «чистой грязи» народной жизни, о которой говорил Чернышевский, рождается красота, разгорается страстная и планетная мысль и возникает воля к борьбе, действительно способные переделать мир. Поэзия мысли, интеллект сочетается у Горького с воплощением мощи труда, физической силы человека и красоты его тела.

Горький в новом, еще небывалом синтезе соединил и ясность, оптимизм, веру в творческую силу переловой мысли, свойственные литературе Просвещения, и точнейшее, исторически обоснованное аналитическое изображение общественных отношений и борьбы в духе критического реализма, и богатство романтических образов, пронизанных чувствами, страстями и мечтой, стремлением подтолкнуть жизнь вперед. Горький синтезировал все эти традиции на основе богатейшего опыта русской литературы XIX века.

Только гигантский политический и духовный рост народных масс, возмательных пролетариатом, процесс овладения ими идеями социализма и вершинами мировой культуры могли вызвать к жизни искусство такого безгранично правдивого и многостороннего жизненного охвата, искусство, проникнутое и народной страстью и революционной мыслью. И, что особенно важно, эти отличительные черты творчества Горького выступают как характерные новаторские особенности социалистического реализма в целом.

2. В лучших творениях советской литературы, в новых формах, находящихся в сложной зависимости от изменений, происшедших в нашей действительности, и в соответствии с индивидуальным своеобразием каждого писателя, творческие особенности Горького выступают черты этого же эстетического новаторства. Соплемясь на опубликованные главы второй книги «Поднятой целины», где образы знакомых еще по первой книге романа героев предстают перед нами духовно и художественно обогащенными.

Здесь у Шолохова в широкой картине народной жизни на первый план выступает изображение сознательной и целеустремленной повседневной политической активности простых людей; бурление инстинктов, классовая ненависть озаряется торжеством ясной мысли, ставшей достоинством масс; трагизм непримиримой борьбы оттеняется сильным, здоровым и уминым юмором, выражающим веру народа в свои силы и свою победу.

Герои Шолохова воспевают и цельностью своих характеров, и лежанием на них неподдельным отпечатком народных национальных черт, и прачудливой, порой капризной формой своих дум, мечтаний и стремлений. Вспомним только Нагульнова и то его не лишнее комическое черт увлечение петушиным пением, в котором проявилось и пристрастие к регламентации и воинской субординации, и вместе с тем присущее ему глубокое

чувство красоты и томление по ней. Герои Шолохова принадлежат к тем оригинальным людям, которых так любил изображать и «коллекционировать» Горький. Но при всей индивидуальной неповторимости и оригинальности каждого — и Давыдова, и Разметнова, и Нагульнова — их всех объединяет богатейший, осязаемый и вошедший в их плоть и кровь политический и революционный опыт. Они на собственном горбу усвоили уроки революции, вложили в эту «учебу» все своеобразие своего духовного склада.

В самом, казалось бы, «незаметном», «сером» человеке Шолохов умеет найти оригинальные, неповторимые, привлекающие черты. Напомним эпизод поездки Давыдова с Иваном Аржановым, «...молчаливым и, по общему мнению в хуторе, слегка придуриковатым» человеком. Отпечаток самого повседневного и серого быта лежит на фигуре Аржанова. Захуляные лошади, их нудный и тихий шаг, молчаливость, скрипящий голос возницы — все как будто придало этому образу подчеркнуто будничную окраску.

Но каким светом озаряется Аржанов, когда, нарушив свою замкнутость и молчаливость, он рассказывает Давыдову о том, как прошла его жизнь. Именно благодаря тусклому бытовому фону особенно ярко высветилась целая радуга тонов — суровых, трагических, комических, светлых, поэтических, которыми засверкали жизненный опыт, ум, наблюдательность, внутренняя сила и вера в человека, присущие Аржанову.

Этот «Язык с придуриком» оказывается не исключаемым выпавшей на его долю страшно трудной, почти нищенской жизнью, а, наоборот, закалившим в ней терпение, волю к борьбе с жестоким врагом, а, главное, свое понимание жизни в сложности ее течения. И как поэтически звучат в устах Аржанова слова о том, что человек «чуждиной» напоминает внешне ветку «в сухачах, в листьях, в своей красе», а человек без «чуждины» гол и скучен, как кнутышце, из этой ветки выстукаешь!

Аржанов вместе с Шалым и Устином входит в ту созданную в главах второй книги «Поднятой целины» галерею простых людей, у которых Давыдов учится распознавать друзей и врагов, ценить народный опыт и видеть опасность администрирования, отрыва от масс. Он учится социалистическому демократизму и искусству управлять и руководить. Так писатель вновь обосновывает свое убеждение в том, что каждый наш рядовой человек, верно понимающий жизнь и сумевший выдержать — пусть с ошибками и тяжким уроном — все испытания, таят в себе сокровища жизненной и политической мудрости, глубокой духовной оригинальности и стойкости и заслуживают художественно многообразного, многокрасочного изображения.

Речь идет, конечно, совсем не о том, что Шолохов «похоже» на Горького, или о том, что все советские прозаики «похожи» на автора «Поднятой целины». Однако существует общность эстетических задач, производящих временем и внутренним развитием реализма. Разумеется, каждый писатель подходит к ним под углом зрения тех сторон жизни, на которых сосредоточены его творческие интересы, и тех стиливых устремлений, которые им владеют.

Однако нас интересует сейчас не творческое своеобразие того или иного художника, а именно объединяющие писателей социалистического реализма новаторские черты. Ведь в самых разных произведениях

Окончание на 2-й стр.

КАК ПРИБЛИЗИТЬ НОВОСЕЛЬЕ

СВОИМИ СИЛАМИ

В ЭТОМ ГОДУ рабочие Горьковского автозавода имени В. М. Молотова по своей инициативе начали строить в свободное от смены часы двадцать жилых домов. Большая часть их уже готова. В новых квартирах поселились те, кто вложил в них свой труд, — 456 семей рабочих и служащих предприятия. На автозаводе создан совет содействия жилищному строительству. В будущем году он наметил возвести силами коллектива завода при поддержке администрации и общественных организаций не менее шестидесяти новых домов с общей жилой площадью в 18 — 20 тысяч квадратных метров.

Инициативу горьковчан подхватили многие другие коллективы. Вот несколько фактов.

В Горьком побывала делегация Подольского завода имени Орджоникидзе, и теперь его коллектив сооружает своими силами трехэтажный дом на девятую комнату. В Иркутске примеру горьковчан решили последовать работники многих предприятий.

Для того чтобы ускорить жилищное строительство в Москве, трудящиеся ряда районов столицы, в частности Дзержинского, Ленинградского, охотно участвуют в сооружении домов, где им предстоит в ближайшее время жить.

О трудовом участии рабочих и служащих промышленных предприятий в жилищном строительстве сообщают из Минска, Ворошиловграда, Архангельска, Молотова, Уфы, Харькова, Тулы, Воронежа, Серова и других городов страны.

Мы в одном из новых домов Москвы — во втором жилом корпусе на 3-й улице Марьяной роши, построенном при участии населения. Многие рабочие и служащие, а также взрослые члены их семей, поселившиеся в этом доме, помогли своими руками значительно ускорить его сооружение.

В квартире № 52 нас встретил хозяин — Осип Алексеевич Ганькин, работник Московского завода

Новые дома на 3-й улице Марьяной роши

вторичного алюминия. До нынешнего года он жил в старом деревянном одноэтажном доме, занимая с семьей небольшую комнату.

Осип Алексеевич Ганькин

тушку. А в новом доме он получил в благоустроенной квартире со всеми удобствами комнату около 23 квадратных метров. На строительстве жилого корпуса Осип Алексеевич проработал в общей сложности 72 часа.

— Конечно, сначала нелегко было шагать после трудового дня на строительную площадку и работать там по три-четыре часа, — рассказывает он, — но в конце концов я так увлекся этим делом, что стал работать на стройке и по выходным дням. Главное же, я видел, что при нашем участии строительство подвигается действительно быстрее.

— Что вам приходится делать на стройке?

— Выгружать кирпич, подавать строительные материалы, разравнивать двор, засыпать траншеи водопровода, газовых и отопительных трубпроводов. Вель у меня нет определенной строительной специальности...

В первом соседнем жилом корпусе мы жили в квартире № 28, где живет также один из наиболее активных участников жилищного строительства — Петр Дмитриевич Зорин, энергетик 5-го авторемонтного завода. Хозяйня не оказалась дома. Навстречу нам вышла его жена Антонина Алексеевна, также участница стройки. Вместе с мужем она проработала на строительстве нового дома 92 часа.

— Как видите, мы потрудились не напрасно, — говорит она. — Вероятно, мы не так скоро дождались бы хорошего жилья, если бы не приложили к делу своих рук.

Р. ВАСИЛЬЕВ

Фото А. Ялина

Антонина Алексеевна Зорина с дочерью Верой в новой квартире

Инициатива подхвачена

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Ленинградцы везают в новые дома! Об этом все чаще можно слышать сообщения по радио, читать в газетах. Но нужда в жилье по-прежнему остра.

Делегация обунной фабрики «Скоруход» недавно побывала в Горьком, на Автомобильном заводе имени В. М. Молотова. Опыт горьковчан, сооружающих для себя жилые дома в свободное от работы время, очень заинтересовал скороуходцев. Было решено организовать и у себя коллективное строительство жилых домов. Свыше двухсот рабочих, инженеров и служащих фабрики «Скоруход» уже заявили о своем желании участвовать в этом деле.

Вчерне составлен проект застройки. В 1957 году намечено

соорудить близ Ленинграда 50 одноэтажных домов — в каждом по две двухкомнатные квартиры. Выделяются небольшие земельные участки для садов и огородов.

По предварительным подсчетам, строительство дома обойдется в 30 тысяч рублей. Таким образом, квартира будет стоить семье 15 тысяч рублей. Три тысячи рублей застройщик вносит наличными деньгами. На семь тысяч рублей ему дается государственная ссуда, которая должна быть погашена в течение семи лет. На остальную сумму семья застройщика должна сделать вложение своим личным трудом.

Принимаются меры, чтобы ускорить строительство. С этой целью используются име-

ющиеся на предприятии возможности. Гарь и шлак из фабричных котельных обычно вывозились в отвал. Теперь из них собственными силами будут готовиться блоки для кладки стен. На «Скоруходе» для отделки может применяться негашеная известь. Раньше она вся шла в отходы. Теперь и ее решено использовать на стройке.

Индивидуальная застройка фабрики оказывает помощь и министерство. Оно разрешило за счет фондов предприятия провести дорогу, соорудить подземные коммуникации, выделено строительные механизмы.

Строительство жилых домов с участием в нем рабочих и служащих начинают Кировский завод, Лесной порт и другие предприятия Ленинграда.

ПОД НАТИСКОМ КЛЕВЕТНИКА

Когда Василий Кондратьевич Погонин принимал на работу, вряд ли кому и в голову могло прийти, что этот невзрачный человек с усталым взглядом меланхолических светлых глаз, в скором времени забрет в руки такую власть, что целые цеха застанут от него, а люди будут вздрагивать от одного лишь звука его имени.

Да и как можно было предположить это? Не только вид Погонина, но и анкетные данные его заставляли думать, что этот окончивший семилетку, не имеющий определенной специальности человек будет скромным и старательным работником и трудом своим завоеует уважение и славу.

И действительно, когда Погонина назначили на должность диспетчера, он на первых порах зарекомендовал себя как активный общественник. Ему немедленно «оказали доверие», избрав его в редколлегию цеховой газеты. Но это было только в первые месяцы. Оглядевшись на новой работе, о которой он до этого не имел никакого понятия, Погонин заявил вдруг, что должность диспетчера для него не подходит, ибо он призван к более важным свершениям.

С этого времени и начал расти архив всяких класуных документов, которые за годы работы Погонина на предприятии наводнили цехи, отделы, партком, завком, дирекцию. В отделе кадров предприятия шутят: папка личного дела Погонина достигла такого объема, что ее среди тысяч других личных дел в любой темноте можно отыскать на ощупь.

Мастер цеха Антонина Петровна Ильина сказала как-то Погонину, что он срывает работу цеха.

— При чем же здесь я? — возмутился Погонин. — Запорол, наверное, работу, и теперь ищет виновных.

И начал повсюду трубить, что Ильина не знает производства.

Антонина Петровна безупречно трудилась в цехе двенадцать лет. Погонин пришел недавно. И хотя всем хорошо было известно, что диспетчерские обязанности за Погонина выполняют другие, почти безудобным его одернуть. Думали: поработает на производстве, переучится.

Но Погонин и не стремился «переоучиваться». Ободренный столь пагуной снисходительностью коллектива, он принялся травить и дергать Антонину Петровну. На какие ухищрения он не пускался! То, узнав, что в том же цехе работает муж Ильиной, затрубил о том, что она «развела семейщину». То, залав Ильиной на подзатыльник каверзный вопрос и не получив ответа, обвинил ее в политической безграмотности и близорукости... Потом вдруг повесил в цехе «молнии», в которой мастер цеха обвинялся в том, что в наряды мужа она вписывала невыполненные работы. И опять все знала, что женщина безупречно честна, но (такова сила клеветы!) по цеху пошла шепоток: «Ильина-то! Кто бы мог подумать?»

Ильина потребовала, чтобы проверили факты. Были выделены люди, которые без труда установили, что заметка клеветническая.

Что в этом случае нужно делать? Разумеется, ясно: честного человека реабилитировать, а клеветника — наказать.

Но, когда начальник цеха Лосиков приказал снять записку, вдруг завертелось такое дело, что людям некогда стало работать. Все принялись ругаться, спорить, недоверчиво коситься друг на друга. Одни ищут жалобы, другие — объяснения. Лосиков за попытку зажима критики получил выговор.

А Погонин, тем временем еще больше укрепившись, как говорится, «вызрел».

В. ШАПОШНИКОВА

Клевета полилась рекой. Что ни день, то комсомол и проверка. Разбирают сигналы, будто Лосиков эксплуатирует убогищину, злоупотребляет своим служебным положением, занимается всякими темными делами. И что странно: все эти письма принимались людьми, в которых они поступали, как непоколебимая истина. Никто не требовал, чтобы автор их доказывал правильность своих измышлений. Доказывать ложность их должен был тот, на кого возведена напраслина. И Лосиков доказывал комсомолу, что он не пьяница, не вор, в отношении с подчиненными порядочен, что лоялен, верен жене и что против начальства камня за пазухой не носит.

Убедившись, что эти грехов за Лосиковым нет, комиссия удалялась. Оскорбленный человек просил привлечь клеветника к ответу. Но его просьбы оставались без внимания.

После такого поощрения Погонин распоясался совсем. В добром слове он видел подвох, в хорошем отношении — проявление слабости, в попытке привлечь его к порядку — покушение на основы демократии.

На предприятие зачастили комиссии из главных министерств. Приедут, разберутся, а факты — лустячные. Такие недостатки есть в каждом деле. Но не успевали члены комиссии добраться до дому, а в высшей инстанции жалоба на них:

— Необъективно выбрали, поверхностно, в проверке положили культуру, шли на поводу...

Что Погонин не придумывал, чтобы опорочить тех, кто разбирался в сосранных им делах! Им овладел азарт, как бытовым игроком. Он напал на минных соперников, на тех, кто пытался образумить его, помешать его корыстным устремлениям. Не дали премии — он тут же настроил во все концы донос о том, что преамальный фонд расходует якобы не по назначению. А каким богатством средств располагал Погонин! Он угрожал, ругался, клеветал и доносил, прятался в штабшату — фантазия Погонина была неисчерпаема.

Инженеры подсчитали, что в одном из отделов на разбор погонинских жалуйшло довести рабочих дней. Приезжал каждый комиссии обходился стране в шесть тысяч рублей. А комиссий было много. Этих средств хватало бы, чтобы построить клуб или жилой дом.

Один из горьковских героев утверждал: «Если врать и влипать, что тебе верят... чувствуешь себя приподнятым над людьми, а чувствуешь себя выше людей — удовольствие все-таки».

Погонин в этом удовольствии себе не отказывал. За годы своей работы на предприятии он прошел чуть ли не через все цехи и отделы. Все ненавидели его, но не изменно отступали под натиском клеветника и повышали по службе «опасного» бездельника.

Погонина направили на курсы мастеров. Одновременно он поступил в вечерний техникум.

И там не столько занимался учебой, сколько шантажировал и класуничал. Преподаватели до сих пор с содроганием вспоминают о Погонине.

В 1953 году Погонин работал мастером, затем стал исполнять обязанности инженера. Подобный рост был бы весьма закономерен для каждого, кто добросовестен, трудолюбив. Но вот одна из многочисленных

характеристик, хранящихся в личном деле Погонина, подписанная «треугольником» крупного отдела предприятия. В ней говорится, что Погонин повсюду был груб, бестактен, неуважителен, клеветал на людей, что он технически безграмотен и работать не хочет.

За что же повышали? А ни за что. Просто из страха, из нежелания попасть в немилость к клеветнику. Он искусен, хитер, опытен и умеет так ускользать от ответственности, что у членов коллектива появился и стал расти «суверенный» страх перед «всесильностью» Погонина. Его боялись и ласково, заискивающе уговаривали: «Ты хоть что-то не все время! Немного поработай».

А он писал, писал, писал... Но ни общественности предприятия, ни Шелковский райком КПСС, ни главк министерства, ни прокуратура — все, что знало о подлости Погонина, не приняло мер к тому, чтобы осудить его, не помогли коллегам разобраться во всех его грязных делах. Было много разговоров о воспитании человека, а по существу, поощряли клеветника и сломачника. С ним мирялись, как с неизбежным злом. Ждали случая.

И этот случай наконец пришел. Потеряв свою обычную предусмотрительность, Погонин выпил и отправился в дирекцию «поговорить на чистоту». Но форма разговора, по-видимому, вполне отвечала его натуре. Он драясь, плавал на стол и в доказательство того, что он не пьян, съезжал цветок. Чуть не пахот.

И как ни отратителен был вид Погонина, все ликовали. Наконец-то появилось повод избавиться от злого клеветника.

Но Погонин сумел прикинуться такой невинной жертвой, разжалобить, сослаться на несуществующие заслуги.

— За что терзаете, издеваетесь?! — жаловался он. — Я честный труженник. Смотрите, за восемь лет ни одного высканья.

И он был прав. Ни партийные, ни профсоюзные организации ни разу не обудили поведения Погонина. Оказалось, он не имел ни выговора, ни замечания. Администрация ограничивалась лишь переводом Погонина с участка на участок.

Погонин был восстановлен. Руководителям предприятия сказали:

— Работайте с людьми!

А на предприятии подумали и создали ему руководящую должность в том цехе, где его еще не знали. И все пошло, как прежде... Через два месяца механизм сломки работал вовсю...

По дружному протесту коллектива цеха Погонина опять уволили, и вновь он был направлен на работу...

Как быть? Парторг ЦК КПСС тов. Сальников считает — Погонина нужно поставить к стенку. Директор предприятия тов. Федоров высказывает мнение, что если бы рабочий товарищеский суд занялся поведением Погонина, то давно бы найдено правильное решение. Справедливое мнение.

Так почему же за девять лет, пока Погонин мучил коллектив, этот суд не состоялся? Почему партийные и профсоюзные организации предприятия до сих пор на широких собраниях не обудили важный вопрос, касающийся морального облика советского человека. И не казено, не формально, а восторженно, глубоко, на конкретных примерах. Ведь это-то и есть как раз та самая живая воспитательная работа, о которой так много говорят на предприятии.

Памятник В. Маяковскому

В 1957 году на площади Маяковского в Москве будет установлен памятник В. В. Маяковскому. Проект памятника работы скульптора А. П. Кибальникова получил на конкурсе высокую оценку.

В настоящее время скульптор заканчивает изготовление рабочей модели памятника. На снимке: А. П. Кибальников в своей мастерской.

Фото Л. Портера и М. Редкина

«А характерно ли оно?»

Спустя почти полгода после опубликования в «Литературной газете» статьи «Человек ушел в отставку» газета «Красная звезда» (№ 284 за 8 XII 1956 г.) напечатала обзор писем читателей по поводу этой статьи.

Каждая газета вправе печатать обзоры писем тогда, когда находит это удобным, и так группировать в них материал, как она считает нужным. Редакция «Красной звезды», например, полагает, что большинство товарищей считает, что некоторые положения в заметке Вл. Монаярева нельзя считать правильными. Однако, если бы сделать обзор писем, полученных редакцией, пришлось бы сделать иной вывод.

В обзор писем, напечатанном «Красной звездой», автор статьи «Человек ушел в отставку» достает «на орехи». Оказавшись, он «переходит к ругани», «безапелляционно бросает слова: «студенческий, «мелкие душонки» и т. п.». Это не цитаты из писем, полученных редакцией, а утверждение автора обзора писем, вырванное из контекста моей статьи даже не отдельные фразы, а отдельные слова. Тут уж спорить уже бесполезно.

Автор обзора говорит: «...зависших писать о людях, ушедших в отставку, Вл. Монаярев должен был бы сосредоточить внимание читателей на характеристиках явлений. Автор, к сожалению, пошел по другому пути. На первый план он выставил людей, допустивших неблагоприятные поступки, устранившихся от общественно полезной деятельности». Странный тезис. Оказывается, если журналист, писатель, увидит отрицательное явление в нашей жизни, он должен подумать «А характерно ли оно?», и в критический момент своей жизни сама уходит от этого своего «друга» — врага из фарфорового мира хозяев.

А я думаю, что надо поступать иначе.

Вл. МОНАСТЫРЕВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ О КИНОФИЛЬМЕ «СВОИМИ РУКАМИ»

Читатели моих книг, посмотрев выданный недавно на экраны фильм «Своими руками» (по мотивам очерков «Рабочие будни»), обращаются ко мне с вопросами: видел ли этот фильм, принимал ли участие в его «создании», каково мое к нему отношение?

Фильм очень плох — на этом сходятся все, кто смотрел его.

Хочу ответить читателям, а заодно выразить свое крайнее возмущение порядком, существующим у нас на киностудиях. На предложение Московской киностудии имени М. Горького экранизировать мои очерки я долго отвечал отказом. Я вообще отношусь отрицательно ко всяким инсценировкам — удачи тут бываю редко. Как можно было ущемлять художественную выразительность произведения переводить его из одного жанра в другой? Я писал ведь именно очерки, а не пьесу для театра, не сценарий для кино, где законы развития сюжета, композиции, построения диалога совсем иные.

Меня настойчиво убеждали, что творческий коллектив студии «загорелся» моими очерками, что товарищи, которые хотят ставить картину по ним, ясно видят возможность перенесения всего главного, что есть в очерках, на экран, что фильм будет нести «душою», не по ремесленным шаблонам и т. д. И я, поддавшись в конце концов на уговоры (за что ругаю сейчас себя), дал согласие на экранизацию очерков.

Принять участие в написании сценария по очеркам я не мог, так как целиком был занят другой работой. Но я выговорил себе право посмотреть, что получится у товарищей, взявшихся за это дело, и сказать потом свое решающее мнение.

Сценарий писал В. Войтецкий (он же и поставил фильм). Первый вариант сценария меня не удовлетворил. Из очерков были повыдерганы так называемые «личные линии», на них главным образом и строилось все; наиболее острые места в диалогах были ободены, много было ничем не оправданной отсебятины. Я написал по этому поводу письмо на студию, а сценаристу тов. Войтецкому сказал, что если он в самом начале работы берет перед собой очерки, то пусть сразу откажется от этого предприятия.

Через некоторое время мне показали второй вариант сценария. Он был лучше первого, но и в этом виде вызвал у меня ряд возражений и замечаний. Меня уверили, что все мои замечания будут учтены и я буду поставлен в известность о дальнейших этапах работы над фильмом.

А о «дальнейших этапах» я ничего не знал до самого того момента, пока уже не увидел на заборках афиши: «Скоро смотрите на экранах...» Мне ни разу не позвонили, не написали со студии, сценария больше не показывали, не показали ни актерских проб, ни отдельных черновых кадров. Я не знал состава исполнителей, не знал даже, где снимается фильм, как идет работа. Лишь один мой товарищ, знакомый с работниками студии, сообщил мне в частном письме, что фильм все же снимается. Но со студии никаких известий не было. Меня не приглашали на съемки. Я написал на студию — ответа не получил. Прошло немало времени, и я уж полагал, что где-то, в каких-то инстанциях дело застопорилось, и думал, грешным делом: ну, и к лучшему.

Вернувшись в октябре текущего года из дальней поездки, я узнал в Москве по афишам, что фильм уже выпускается на экраны. Значит, просмотрен уже всеми комиссиями и утвержден, теперь уже поздно что-либо сделать. Просмотрен всеми, кроме автора очерков.

Дома в мое отсутствие были получены письмо со студии и стенограмма обсуждения фильма в Доме культуры в ВСХВ. Письмо настолько характерно, что привожу его целиком:

«Дорогой Валентин Владимирович! После долгих трудов закончен производством фильм «Своими руками». Фильм принят Студией, Главком и Министерством Культуры»

Перед скачей в Министерство мы провели просмотр и обсуждение фильма в Доме культуры ВСХВ. На просмотре присутствовало около тысячи человек. Стенограмму обсуждения направляю Вам.

Сразу после выхода фильма звонил Вам домой. Но, увы, никто не отвечал. Тогда мы позвонили в горком партии, просили узнать, где Вы, но ответ последовал — не знаем. Надеюсь, что это письмо Вас застанет дома.

Валентин Владимирович, сообщайте, когда Вы будете в Москве. Хотелось бы показать Вам картину. На экраны фильм выйдет не раньше середины октября. Ждем Вашей весточки. Черкните пару слов.

Большой привет Вам от стенографического коллектива.

Будьте здоровы. Ваш С. Клебанов.

Редактор картины С. Клебанов вспоминает, наконец об авторе очерков и счел нужным показать ему картину уже после обсуждения ее на ВСХВ, после принятия студией, Главком и Министерством культуры!

В консулциях со мною в процессе работы над фильмом студия, видимо, не нуждалась. Главное — лишь бы начальство приняло фильм. А вмешательство автора очерков может причинить только неприятности, лишние хлопоты постановщикам. Вдруг возмутится чем-нибудь, запустит, потребует каких-то переделок. Я просмотрел фильм в Москве в Доме учителя вместе с участниками конференции работников киноискусства, посмотрел — и пришел в ужас. Все то, что я требовал убрать из сценария, осталось — вроде исторической сценки битвы псовуды Надежды Кирилловны или поцелуя в диафрагму. Анткерское исполнение ролей (за немногими исключениями) — на уровне самого примитивного штампа. В серьезный по замыслу фильма врываются элементы шаржа, балаган. Борзов сделан внешне таким уж «бюр-р-роком», что еле выжикивает слова сквозь зубы. Коборкин — просто чуело, какой-то дьячок из стародавнего водевилья. Секретарь обкома Крылов получился тоже существом «не от мира сего» (за пятьдесят с лишним лет жизни я таких секретарей обкома не видел), смахивает скорее на баитского проповедника, нежели на партийного работника. Мартынов все время говорит, «играет», лубуется собой, своими словами и поступками.

В фильме не чувствуется и прописка режиссерской мысли. Тов. Войтецкий, видимо, совершенно не помогал актерам вникать в текст, в обстановку действия, не пытался повернуть их с прогноренных дорожек штампа и ложной театральщины к простоте и искренности.

Я был до крайней степени огорчен и возмущен увиденным. Но что я мог сделать, когда фильм был уже принят во всех инстанциях?

Я высказал прямо свое мнение о нем и просил лишь товарищей не очень широко искать его по экранам, чтобы не сравнили. Но и этим моим заявлениям не вняли. Недавно фильм «Своими руками» передавали даже по телеэкрану.

Остается публично отрезаться от этого незадачливого «произведения искусства» и объяснить зрителям, что я никакого участия в его появлении на свет не принимал. Я сам не раньше массового зрителя увидел, что же получилось на экране из моих очерков.

История с фильмом «Своими руками» — большой житейский урок для меня. Больше я никогда никому не дам «чужими руками» что-то выкраивать, стирать из моих повестей или очерков, если я сам не чувствую необходимости и возможности экранизировать или инсценировать их.

Но хотелось бы, чтобы из этой истории извлекли необходимые уроки для себя и работников кино. Нам, писателям, приходилось слышать немало хороших речей от деятелей кинематографии насчет укрепления содружества писателей с киноработниками, нас приглашают приходить на студию, писать для кино, не чудиться это вида искусства. На практике же мы встречаемся вот с такими формами «содружества», которые способствуют лишь отступничеству писателей от работы для кино.

Валентин ОВЕЧКИН

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО

Окончание. Начало на 1-й стр.

В образе Углы как бы воодино слеплены отражения и вековых национальных устоев жизни Исландии, и идейных интеллектуальных исканий и мечтаний ее лучших сынов, и острейших социально-политических классовых противоречий в жизни маленького народа, мужественно сопротивляющегося американской оккупации.

Буржуазную критику особенно возмущает то, что Лакснесс создает типы стремящихся к социализму исландских крестьян. Эта критика не хочет сознаться в том, что таких сильных людей, как Угла, стихийно влечет к социализму.

Буржуазная критика упрекает Лакснеса в утопизме, в том, что его идеалы науманы, тенденциозны, лишены жизненной правды. На самом деле сила автора «Атомной станции» как раз и заключается в прозрении тех побеждающих тенденций народного сознания, которые совсем человек увидит и изобразит в обстановке такой маленькой крестьянской страны, как Исландия.

Буржуазная критика — особенно в последнее время — пытается, но совершенно безрезультатно, отделить от коммунизма и социалистического реализма Вертольда Брехта. Она даже не останавливается перед голословным утверждением, что художественная форма драматургии Брехта никак не связана с содержанием последней. И в этом еще раз сказывается лишь непонимание емкости социалистического реализма как направленной и метода, в пределах которого творчество Брехта принадлежало свое особое место.

Драматургия Брехта присуща характерные черты социалистического реализма. Судьба простого человека, бросающая его в острейшие социально-политические и личные конфликты и неотвратимо указывающая на единственный возможный и спасительный путь к будущему — на пробуждение и рост сознательности, — один из самых основных и важнейших мотивов этой драматургии, звучащий, хотя и в совершенно различной тональности, и в «Матусе Кураж и ее детях», и в «Кавказском меловом круге», и в «Другоголовых и остроголовых».

Буржуазная критика вправе сопоставлять Брехта с Шекспиром, но она вовсе обходит традицию идейной целеустремленности реализма Просвещения, громко отзывается в творчестве автора «Кавказского мелового круга»; на значение этой традиции для Брехта справедливо указал И. Фрадкин («Театр», 1956 г., № 1).

В образе Углы как бы воодино слеплены отражения и вековых национальных устоев жизни Исландии, и идейных интеллектуальных исканий и мечтаний ее лучших сынов, и острейших социально-политических классовых противоречий в жизни маленького народа, мужественно сопротивляющегося американской оккупации.

Буржуазную критику особенно возмущает то, что Лакснесс создает типы стремящихся к социализму исландских крестьян. Эта критика не хочет сознаться в том, что таких сильных людей, как Угла, стихийно влечет к социализму.

Буржуазная критика упрекает Лакснеса в утопизме, в том, что его идеалы науманы, тенденциозны, лишены жизненной правды. На самом деле сила автора «Атомной станции» как раз и заключается в прозрении тех побеждающих тенденций народного сознания, которые совсем человек увидит и изобразит в обстановке такой маленькой крестьянской страны, как Исландия.

Буржуазная критика — особенно в последнее время — пытается, но совершенно безрезультатно, отделить от коммунизма и социалистического реализма Вертольда Брехта. Она даже не останавливается перед голословным утверждением, что художественная форма драматургии Брехта никак не связана с содержанием последней. И в этом еще раз сказывается лишь непонимание емкости социалистического реализма как направленной и метода, в пределах которого творчество Брехта принадлежало свое особое место.

Драматургия Брехта присуща характерные черты социалистического реализма. Судьба простого человека, бросающая его в острейшие социально-политические и личные конфликты и неотвратимо указывающая на единственный возможный и спасительный путь к будущему — на пробуждение и рост сознательности, — один из самых основных и важнейших мотивов этой драматургии, звучащий, хотя и в совершенно различной тональности, и в «Матусе Кураж и ее детях», и в «Кавказском меловом круге», и в «Другоголовых и остроголовых».

Буржуазная критика вправе сопоставлять Брехта с Шекспиром, но она вовсе обходит традицию идейной целеустремленности реализма Просвещения, громко отзывается в творчестве автора «Кавказского мелового круга»; на значение этой традиции для Брехта справедливо указал И. Фрадкин («Театр», 1956 г., № 1).

надлежит к другому миру, и в критический момент своей жизни сама уходит от этого своего «друга» — врага из фарфорового мира хозяев.

В образе Углы как бы воодино слеплены отражения и вековых национальных устоев жизни Исландии, и идейных интеллектуальных исканий и мечтаний ее лучших сынов, и острейших социально-политических классовых противоречий в жизни маленького народа, мужественно сопротивляющегося американской оккупации.

Буржуазную критику особенно возмущает то, что Лакснесс создает типы стремящихся к социализму исландских крестьян. Эта критика не хочет сознаться в том, что таких сильных людей, как Угла, стихийно влечет к социализму.

Буржуазная критика упрекает Лакснеса в утопизме, в том, что его идеалы науманы, тенденциозны, лишены жизненной правды. На самом деле сила автора «Атомной станции» как раз и заключается в прозрении тех побеждающих тенденций народного сознания, которые совсем человек увидит и изобразит в обстановке такой маленькой крестьянской страны, как Исландия.

Буржуазная критика — особенно в последнее время — пытается, но совершенно безрезультатно, отделить от коммунизма и социалистического реализма Вертольда Брехта. Она даже не останавливается перед голословным утверждением, что художественная форма драматургии Брехта никак не связана с содержанием последней. И в этом еще раз сказывается лишь непонимание емкости социалистического реализма как направленной и метода, в пределах которого творчество Брехта принадлежало свое особое место.

Драматургия Брехта присуща характерные черты социалистического реализма. Судьба простого человека, бросающая его в острейшие социально-политические и личные конфликты и неотвратимо указывающая на единственный возможный и спасительный путь к будущему — на пробуждение и рост сознательности, — один из самых основных и важнейших мотивов этой драматургии, звучащий, хотя и в совершенно различной тональности, и в «Матусе Кураж и ее детях», и в «Кавказском меловом круге», и в «Другоголовых и остроголовых».

Буржуазная критика вправе сопоставлять Брехта с Шекспиром, но она вовсе обходит традицию идейной целеустремленности реализма Просвещения, громко отзывается в творчестве автора «Кавказского мелового круга»; на значение этой традиции для Брехта справедливо указал И. Фрадкин («Театр», 1956 г., № 1).

Для современной буржуазной эстетики чрезвычайно типичен культ творчества Франца Кафки, писателя, жившего в старой Австро-Венгрии и умершего еще в 1924 году. Можно сказать без преувеличения, что Кафка сейчас канонизирован идеологами буржуазной мысли и возведен на pedestal, которого устанавляются лишь классици.

Произведения Кафки (тесно связанные с психоанализом) — пример того, какому страшному искажению могут подвергаться факты действительности и человеческие чувства в творчестве писателя, несомненно даровитого и по-своему последовательного, но болезненно узко и односторонне подпадающего к жизни, произвольно деформирующего ее явления, а главное, лишенного всякой веры в человека.

В произведениях Кафки — достаточно сослаться на «Процесс», «Приговор», «Штрафную колонию» — доминирует чувство роковой и жестокой обреченности. Огромное значение приобретает мотив беспощадного, неотвратимо нависшего над человеком приговора, ему не объясненного, неизвестного, но ощущаемого его существом и тем более подавляющего и дающего всякое сопротивление бесполезным.

Действительности, природы у Кафки, в сущности, нет, мир, изображаемый им, кажется лишь призрачным и мучительным сном, в котором бродят серые призраки. Сам Кафка признавался в том, что его внутренняя жизнь подобна сновидению. Как художник, он монотонен и беден. «Логика», «последовательность» Кафки — всего лишь «логика» и «последовательность» кошмарного сна, вызывающего уродливо изопределенные представления о преследовании, бесплодном сопротивлении, орудиях казни, гибели.

Герои Кафки как личности не существуют, не случайно, у них часто нет ни имени, ни фамилии, они даже не способны вызвать в себе сочувствие. Страш вынуждены, и они ни за какую борьбу не способны.

Если переодова литература борется за человека, за расцвет его индивидуальности, за его духовное богатство, то произведения Кафки могут способствовать лишь распространению духовной нищеты, равнодушия, отчаяния. Они враждебны реализму.

Критический реализм стал в XIX—XX веках наиболее могучим, широким и емким направлением на-

правлением, оказавшимся способным воспринять и продолжить лучшие традиции многих предшествовавших ему течений, в том числе и революционного романтизма.

Но социалистический реализм (влияние которого на современный критический реализм несомненно) оказывается, с точки зрения развиваемых им и заключаемых в нем художественных богатств, еще более многосторонним, ибо в наше время в странах лагеря социализма высшие духовные и, в частности, эстетические ценности в гораздо большей степени, чем когда-либо раньше, стали достоянием широчайших народных масс.

Борьба за всестороннее развитие человека и искусства предоставляет социалистическому реализму не существовавшую ранее возможность использования всего многообразия художественных красок для всестороннего изображения человека, его практической деятельности и внутреннего мира. Однако социалистический реализм вовсе не «всеяден» и в эстетическом отношении.

Думается, что нашей критике и теории еще свойственна недооценка богатства эстетического наследия, новаторства и возможности развития социалистического реализма и различных течений в его пределах. У нас, например, то зачаток импрессионизма в разряд реализма, то столь же ошибочно уверяют, что импрессионизм ничегошеньки не дал художественному развитию человечества и столь же антиреалистичек, как и современное иррационалистическое искусство. Любопытно также, что мы еще остерегаемся давать названия обозначающиеся течением советской литературы — «как бы чего не вышло!» В лучшем случае говорится о романтизме, как в сущности единственном, но какое же это тогда «течение»? Можно, впрочем, не сомневаться в том, что живое развитие литературы само обнаружит такие свои струи, которые властно потребуют себе новых и даже, быть может, как это бывает у новаторов, полемически броских названий...

Только конкретное, учитывающее особенности содержания и формы изучение наиболее выдающихся произведений социалистического реализма, появившихся как у нас, так и за рубежом, в национальном своеобразии каждого из них, способно дать истинное представление об этом неустанно умножающемся богатстве и помочь теоретическому осмыслению его.

ПО ДЕЛОВОМУ

Отчет об обсуждении произведений эстонских прозаиков, которое состоялось в Союзе писателей 17 и 18 декабря под председательством В. Иванова, хотелось бы начать с критических замечаний. Ход обсуждения был продуман нечетко: о некоторых книгах говорилось подробно, о других — неважничиво мало. К сожалению, в число последних попали наиболее значительные произведения эстонских писателей — «Берег ветров» А. Хинта и «Сердца молодых» Э. Крустена.

Важная мысль объединения большинства выступлений, по существу превращения их в широкий разговор о путях развития всей нашей литературы, о мысли о действительности художественных произведений, о том, что писатель должен быть всегда современным, о чем бы он ни писал, как ни писал, в периоды истории ни обращался. Эта мысль была высказана уже во вступительном докладе секретаря Союза писателей Эстонии Л. Реммельгаса.

— Нас иногда упрекают в том, что в эстонской прозе преобладают темы прошлого. Но для нас это прошлое не за горами, и пафос разоблачения национализма, пафос борьбы за социалистические нормы жизни совершенно необходим и сегодня. Конечно, следует признать, что темы современности, в частности тема рабочего класса, разрабатываются нашими писателями еще слабо.

А. Соколов зачитал большой доклад заболелого Г. Скульского о творчестве русских писателей, живущих в Эстонии.

Полно, добросовестно, тщательно был проанализирован роман И. Семпера «Красные гвоздики». Несмотря на многие деловые, требовательные упреки, предъявленные автору, все выступавшие единодушно сошлись на том, что И. Семперу удалось создать правдивое, высокохудожественное, а главное, очень своевременное произведение, хотя в романе и описываются события 1939—1940 годов. Может быть, лучшим доказательством наступательности этого произведения в идеологической битве наших дней служат факты, которые привел Л. Тоом. Еще до выхода романа в свет его пытались опровергнуть «Голос Америки». Поистине, автор может гордиться этим «дикими криками» «саблезубых врагов», как может гордиться и тем, что финская рабочая газета полностью напечатала его произведение.

Преобразование исторической тематики в современной эстонской литературе, — сказал А. Борщаговский, — представляется мне закономерным. Без осмысления, обобщения своего исторического опыта нельзя двигаться вперед. По мнению А. Борщаговского, наиболее удались И. Семперу образы интеллигентов. Рабочий лагерь, подпольщики изображены слабее.

О романе И. Семпера высказались И. Гринберг, О. Резник, А. Хоружий.

Вторая половина первого дня совещания была посвящена книгам русских писателей, живущих в Эстонии. Большое внимание орасторы — П. Шебунина, А. Карцев, Н. Москвин — уделили «Восходу» молодого прозаика К. Любченко — повести о тружениках торфяных разработок. Она была подвергнута суровой, но дружественной критике; указывалось на бедность основных образов, схематизм, необеделительность конфликтов, многочисленные штампы. Отмечались и отдельные удачные моменты, которые могут лечь в основу дальнейшей работы над книгой.

Л. Левин и Ю. Лаптев остановились на повести Л. Копмуса «Даша Незаева». Они признавали, что повесть вызывает читательские симпатии. Однако среди их критических — во многом справедливых — замечаний были, пожалуй, слишком «придирчивые» и не всегда доказательные. В своем вторичном выступлении О. Резник спорил с ними.

Некоторые участники обсуждения пометизировали с Г. Скульским, осуждали категорический тон его доклада, завышенные оценки. Ю. Лаптев не согласился с оценкой, данной Г. Скульским в книге очерков Т. Томберг «Человек рожден для счастья». По его мнению, для этих очерков характерны сладость и идилличность. В основном то же мнение придерживается и А. Медников. Б. Евгеньев заявил, что в романе И. Курчова «Московское время» больше удач, чем в романе Ю. Бондарев, автор рецензии в «Литературной газете», но по существу орастор подвиг роман не менее суровой критике.

В центре внимания во второй день были очерки Ю. Смуула «Письма из деревни Сылдета». Эта книга заслуживает дружную похвалу. В. Агапов и В. Иванов говорили о том, что книга проникнута высоким пафосом современной жизни. Ю. Смуула содержит точный, близкий к научному исследованию анализ характерных явлений, происходящих в эстонской деревне. Очерки написаны в сочной, образной, глубоко национальной манере, они с большим интересом чита-

ются. Б. Агапов и Е. Мальцев подчеркивали, что значение очерков Ю. Смуула переросло рамки только Эстонии.

Высказывания орасторов о документальном романе Э. Раинета «Дорога сильных» не были столь единодушными. В. Линдн сказал, что автор нарушил определенные законы художественной литературы: в небольшую книжку «впихнул» огромный по времени и значимости материал, что привело к поверхностному изображению психологии героев, к плакательному, наивному описанию врагов. Е. Пермитин возразил В. Линдну и одновременно статье В. Рунина в «Литературной газете». Позитивными моментами в произведении Е. Пермитин считает умение Э. Раинета находить яркие детали, правдиво, красочно описывать эпизоды из жизни героев.

С большим интересом выслушали присутствующие слово Мариэтты Шагинян о романе А. Хинта «Берег ветров». М. Шагинян похвалила писателя за серьезным достижением: «Книга прекрасная, книга, наполненная настоящим революционным пафосом, напоминающая о том, как народ шел к революции». «Берег ветров» приближается к тому виду романа, который должен быть в литературе. Это роман со связными, с писателями, философскими размышлениями, такое полотно, которое как бы берет в себя разные прозаические жанры.

Л. Никулин поделился своими соображениями о романе Э. Крустена «Сердца молодых», посвященном революции 1905 года.

— Прочитав этот роман, видишь, что переживала страна, что переживал народ, что надо было преодолеть и совершить, чтобы 1905 год смог стать генеральной репетицией Октября.

О сборнике «Эстонские рассказы» подробно говорил Н. Панов. А. Иванов похвалил очерки в романе М. Курганова «Петер Лайман из Нюкеса», а В. Богданов с одобрением отозвался об актуальном романе Г. Лебереха «Капитаны». Эстонских писателей тепло приветствовал гость из Литвы — М. Слудкин, говорящий об общности судеб эстонской и литовской литературы.

В конце встречи выступили с ответными словами эстонские писатели А. Хинт, Л. Реммельгас, А. Саар и другие.

Закрывая совещание, В. Иванов подчеркнул, что эстонская проза достойна занять почетное место во всей нашей литературе. Обсуждение эстонской прозы, несмотря на недостатки организации его, прошло действительно по-деловому, без парадности, без скидок. И польза от него — немалая.

Сцена из третьего акта оперы «Огни мщения»

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

ИСПРАВЛЯЯ ОШИБКИ

В эстонской газете «Рахва хьяль» недавно опубликована большая статья Л. Реммельгаса «О литературной жизни и некоторых ее недостатках».

Большое внимание вопросам эстонской литературы уделено состоявшимся недавно III пленум ЦК КП Эстонии, который обсудил состояние идеологической работы в республике и выполнение в этой области решений XX съезда партии. На пленуме были отмечены не только успехи, но и недостатки современной эстонской литературы.

В марте 1950 года пленум ЦК КП Эстонии обратил особое внимание на необходимость усиления борьбы с буржуазным национализмом. Это было совершенно правильно; «борьбу с проявлениями в литературе буржуазного национализма, формализма и эстетства необходимо вести постоянно, в отношении их нельзя терять бдительности, тем более, что эти вредные явления проявляются все снова и снова, в новых формах. Но, борясь против буржуазного национализма, национальной ограниченности, недооценки принципов идейности и партийности, мы, — продолжает Л. Реммельгас, — не должны допускать извращения национальной политики Коммунистической партии, незаслуженных обвинений честных людей в национализме, не должны допускать уклона, сектантского отношения к явлениям литературной жизни, инглистического отношения к наследию прошлого...»

В литературной жизни Эстонии распространялась одна время вульгарно-социологическая трактовка художественных произведений, когда они рассматривались как схематические воплощение социально-политических идей, а не как отражение действительной жизни. Согласно такому подходу, по существу, зачеркивались многие замечательные произведения эстонской литературы.

Подробно останавливается газета «Рахва хьяль» на статье М. Лаасона «О некоторых вопросах эстонского литературоведения и критики» которая в результате ряда обстоятельств, в том числе и вредного влияния атмосферы культа личности, воспринималась в течение нескольких лет как непогрешимая и безошибочная истина. На самом же деле, не отрицая «высказанных в этой статье ряда правильных и полезных положений, направленных против буржуазных концепций», нельзя не видеть того, что она проникнута духом вульгарного социологизма.

Газета «Рахва хьяль» пишет о том, что в борьбе против национализма, которую ни на минуту нельзя ослаблять, были допущены ошибки, распространялись «критика, пытаясь командовать», выдвигались необоснованные обвинения в национализме по отношению к ряду писателей. Незаслуженно, в грубое нарушение устава, были исключены из Союза писателей И. Семпер, Ф. Туглас, А. Санг, К. Мерилаас, М. Метсанур, Б. Альвер, П. Вийдинг и др. Сейчас эти ошибки исправлены.

В заключение статьи Л. Реммельгаса в газете «Рахва хьяль» подчеркивается, что, говоря о допущенных ошибках и извращениях, мы не просто вспоминаем прошлое, а хотим расчистить дорогу для дальнейшего развития литературы...»

НАРОДНАЯ ДРАМА

Первое впечатление, которое возникло у меня, когда на открытии декады эстонского искусства я услышала оперу Эугена Каппа «Огни мщения» (автор либретто Пауль Руммо), было впечатление силы, красоты и символичности ее музыки, а главное, ее чрезвычайной сценичности, действительности.

Начиная с увертюры, антракта перед второй картиной, вступления актера в роли второго акта и кончая заключительным аккордом третьего действия, музыка прямо выражает смысл происходящего на подмостках: она полна гнева и мук народа, чистоты его помыслов, благородства его стремлений и неборимой отваги.

Изобилие красок, разнообразие настроений, яркость контрастов музыки Каппа как-то мне в высшей степени привлекательны. Гладкий, полный женского обаяния хор первой картины, тягловая поступь надсмотрщика, феодала и рыцаря; светлая мечтательность арий Сирье и Неэме, мажорный, жизнеутверждающий финал — все это надолго запомнится, как лучшие эпизоды «Огни мщения».

В них есть и еще одно, для нас, вокальное, прямо-таки бесценное свойство: музыка удобна для исполнения. Что греха таить, еще нередко наши композиторы пишут так, будто им совершенно чуждо понимание законов певческого мастерства. В результате создаются оперные произведения, не выдерживающие «испытания сценой»: театры затрачивают на подготовку такой вещи массу материальных и духовных сил, спектакль «во что бы то ни стало» выпускают, но певцам трудно, а иногда и просто нечего петь.

Музыка оперы Каппа мелодична, красива и, как я уже говорила, удобна для пения. Это по достоинству, вероятно, оценивают исполнители, которые выступают в «Огни мщения». К сожалению, я слышала лишь один состав и потому должна принести извинения своим эстонским товарищам по искусству, так как ограничиваюсь разговором лишь о тех артистах, с которыми мне удалось познакомиться.

Среди них самое большое впечатление произвел на меня Тийт Куузи, его плотный, мужественный голос и его артистичность. Он поет естественно и легко. Редкостью красивый тембр, ровность звучания во всех регистрах, свобода владения всеми вокальными возможностями, большой диапазон и, главное, выразительность его пения — выше похвал.

Артист, чьи сценические данные не идеальны для создания образа молодого воина — воюнка масс и пылкого влюбленного, он заставляет нас забыть о том, что его герой Вамбо поначалу представляется нам несколько иным... А ведь только большой талант способен создать у зрителя желанную и необходимую на театре иллюзию слияния внутреннего и внешнего образов героя.

Мне кажется, что больше всего удивил Куузику вторая картина первого акта. Вамбо вернулся издалека и в священной роуе, под сенью могучего дуба, он встречает свою возлюбленную — Сайму. Ее педа отличная вокалистка Эльза Маасик. Диалог влюбленных прозвучал лирично и строго. Казалось, что уже здесь таится зерно будущего развития образов героев. В самом деле, последующее действие подтвердило наши ожидания: рассказ Вамбо перед сельскими старостами о производе деспотов и возмущении им русскими князьями, сцены Саймы в замке феодала показали, как умело композитор развивает героическую тему, воплощенную в пении и поступках центральных персонажей оперы.

Не знаю, почему, но монолог Вамбо ассоциировался у меня с монологом Родриго о его победном ночном бое с маврами. Только герой корнелевского «Сиды» и его личная храбрость были обаятельны восхищения окружающих вельмож, а здесь каждое слово героя эстонской народной-музыкальной драмы (именно так хочется назвать произведение Э. Каппа) рождало отклик массы, воодушевляло ее на борьбу за грядущее счастье.

Вера ФИРОВА, народная артистка РСФСР

Из тысяч сердец

Пауль Руммо — видный эстонский поэт и драматург. Сборник избранных произведений «Письмо из Таллина» — это — первая книга П. Руммо на русском языке. По этой книге мы можем достаточно полно представить себе его поэтическое лицо.

У Пауля Руммо заметно тяготение к общественной тематике. Лирика «интимная» в сборнике нет или почти нет, однако это не значит, что слово «лирика» не применимо и его стихам, наоборот, стихи Руммо — именно лирика, настоящая, задушевная, хорошая лирика. Основа черта эстонского поэта — оптимизм и жизнеутверждение. Поэт вовсе не всегда пишет о светлых сторонах нашего бытия, нет, он пишет и о тяготах войны, и о трудностях наших строительных будней, но везде у него бодрый, уверенный, жизнеутверждающий тон.

Пауль Руммо — поэт сугубо современный, поэт сегодняшнего дня, но тем не менее он тесно связан с классическими традициями эстонской литературы. В его творчестве явно ощущается благоприятное влияние замечательного поэта Юхана Сюттисе.

Среди произведений сборника выделяется поэма «Дневник отпусника». Это живое, веселое произведение, с оригинальным ритмическим рисунком, хорошо переведенное Л. Тоомом. Несмотря на добродушно-юмористический тон, оно не легковесно, в лирических отступлениях поэт сумел поговорить о «серьез-

ных» вещах — о важности гуманного отношения к человеку. Вот строчки, которые проинтерпретированы искренними раздумьями о судьбах родной литературы, хотя по форме это шутка:

Сегодня солнца не владать, срыв туман осел на склоны... Девь пашурен и монотонен, эстонской лирике под стать. (Она, стараясь быть глубокой, порой в тоску вгоняет всех. Помолодежь бы ей не грех, стать радостной и краснощекой! Старь в журналах и газетах мы столько просим от поэта, что, передела стих раз пять, свое дитя потом признает родной отец уже не может и, павши духом, уничтожит: — К чертам его! Какой в нем толк! И вот читатели в обиде: — Эй, лирика, мы вас не видим! Не пишете, заешь вас волк!..)

В стихах «Чемпион», «Моя сестра» и других Руммо тонко передает психологию ребенка; «детские» стихи Руммо являются, по-моему, серьезным достижением эстонской поэзии.

В отличие от иных поэтов, у которых расцвет творчества пришелся на военные годы, а затем по сборникам можно наблюдать известное снижение, Пауль Руммо все время растет. Пожалуй, чем более свежая дата стоит под последней строчкой, тем заметнее в его произведении поэтическое мастерство.

Душу народа, поэт, познай И труд своего поколения; Все силы свои без остатка отдай Творческому горению.

П. ЖЕЛЕЗНОВ

Раздумья художника

За Михаилом Пришвиным прочно утвердилась слава великолепного знатока русской природы и непревзойденного мастера пейзажа. Он открыл нам красоту родной страны. В его книгах оживают леса и реки, птицы и звери. Он поражает точностью и достоверностью своих наблюдений над сменой времен года, над законами животного и растительного мира.

Но было бы поверхностным и плоским ограничивать творчество Пришвина этими познавательными и пейзажными рамками. Сила и новизна Пришвина как художника в том, что природа у него — не фон жизни, а сама жизнь, что за ней стоит человек, воспринимающий эту природу и через нее познающий себя, что окружающий его мир всегда связан с душевным, внутренним миром.

И главное, что восприятие природы активно. Человек относится к ней творчески. Он не только расширяет в ней богатство собственной души и мысли, — он применяет к природе созидательную и преобразующую силу этой мысли. Он входит в лес «учеником», а выходит «учителем». Человек — хозяин земли. Эта торжествующая вера в творческие возможности человека, изучающего и изменяющего природу, создает глубокий, неуязвимый оптимизм Пришвина — щедрый оптимизм, который он всегда готов разделить со своими «читателями-друзьями».

И вот Пришвин, этот, казалось бы, далекий от современности писатель, идущий в литературе своей, уединенной лесной тропой, оказывается в самом смысле этого слова глубоко современным и социальным, участвующим в общем деле строительства лучшей жизни, непрестанно думающим о человеке и его благе, о судьбе страны и гражданского долге художника. Дневники послевоенных лет, открыты из которых печатались в «Литературной газете», в первых двух книгах «Нашего современника» и в четвертых номерах «Литературной газеты» (от 14 января, 14, 28 июня и 2 августа 1956 г.), говорят об этом особенно убедительно и неоспоримо.

книги, которую он собирался назвать «Глаза земли». Она являлась как бы естественным продолжением работы, начатой в «Лесной капле» (писатель так и замышлял ее в своих записках — «Новая капля»). На эту новую книгу Пришвина возлагал большие надежды. Он писал о своем дневнике:

«Думаю, что если бы очистить его от неудач, и так бы сделать так, чтобы и очищенное собрать в один том, то и получилась бы книга, для которой родился Михаил Пришвин».

Писатель необыкновенно последователен в своем отношении к миру, к творчеству. При всем разнообразии поэтических средств, при всей тонкости и бесконечной новизне наблюдений над природой в дневниках послевоенных лет он верен своим основным мыслям о цели жизни, о миссии художника, о радости бытия. Эти мысли знакомы нам и по прежним книгам Пришвина — «Алендарь природы», «Леньшень», «Лесная капля», «Неодетая весна» и «Журавлиная родина». Пришвин настаивает на радости как источнике искусства: «...Надо нам так радоваться жизни, захлебываясь, чтобы хорошо написать... Вот эта труднейшая культура праздника всего мира и есть школа художника».

Увидеть, обрадоваться и обрадовать других — вот звенья творческого процесса Пришвина. Творчество для него — это прежде всего сотворение радости, в котором участвует все — и природа, и художник, и воспринимающие его искусство люди. Так было на протяжении всего его творчества, так особенно настойчиво, подобно гимну радости в бетховенской симфонии, звучит эта тема в дневниках последних лет: «И так во мне самом, в моей душе, как в сосуде, радость вином поднимается, и разливается это мое вино по всему человеку, скрывая в себе всякое зло».

Тема радости — основная и привычная для Пришвина. Не менее существенна для него тема свободы художника. Эту тему он затрагивал и раньше, но ярче и обни-

ком. Например, в «Журавлиной родине»: «Бажде свое произведение я считаю ключом свободы для всех, кто только читает меня».

В поздних дневниках тема свободы улетается огромное место. Ей посвящен ряд записей — «Истинная свобода», «Полит и свобода», «Своеволие и свобода» и многие другие.

Пришвин понимает свободу творчества очень многогранно. В частности, для него свобода — это творческое овладение миром, это «чувство гармонии, с которым мастер выходит на работу».

Пришвин, все свое творчество посвятивший природе, всегда много размышлял о вечном ее возрождении, о чувстве бессмертия, связанном с ежегодным обновлением и ростом всего живого, о прочности творчества, корнями своими уходящего в природу. Но о чувстве современности он начал думать и писать только в послевоенных дневниках. И вопрос этот поставлен у Пришвина диалектически. Чем больше чувствует художник свое время, тем вернее обеспечена его произведениями длительность жизни в искусстве. Проблема бессмертия творчества неразрывно связана для Пришвина с глубоким чувством современности. Писатель только различает прямую злободневность и то, что он называет «тайной современностью» произведения: «Тайная современность» рассказа о несовременных вещах является, может быть, проблемным камнем истинного творчества» (дневник 1950 г.).

Он возвращается к этим мыслям и в 1951 году: «...По-моему, каждый настоящий талант содержит в себе чувство современности... нет писателя вне современности, хотя бы он писал о египетских пирамидах или о листве осины, трепещущем на своем стебельке».

Эта «тайная современность» является присутствующей в последних записках и созданиях Пришвина, посвященных природе. Природа для него становится уже не только источником радости и познания красоты, природа — материал свободного творчества человека, преобразующего ее себе на благо. Этот хозяйский, деятельный под-

ход к природе отразился и в рассказе «Заполянный мед», и в заготовках нового труда о природе Москвы и Подмосковья, и в цикле «Лесной хозяин», и в разделе дневника «Жизнь дерева», «...Вместаешь в дело природы и вывести всю эту лесную жизнь на человеческий путь» — вот пафос нового подхода Пришвина к природе.

Как только у Пришвина возникает потребность философски осмыслить понятие современности в искусстве, так, естественно, вместе с этой теоретической проблемой появляются в дневниках и очень острые полемические, непосредственно злободневные отклики на действительность, в частности на литературную действительность. В дневниках мы находим ряд ярких заметок, например, о том, что наши редакция стала походить на парикмахерские, стригущие всех под одну гребенку, или что многие редакторы подобны детям, умеющим разбирать часы, но еще не научившимся их собирать...

Наиболее интересна одна запись, противопоставляющая подлинную современность мысли и конъюнктуру: «Есть вещи в государстве, управление, в котором нельзя приспособиться писателю, потому что эти вещи есть «временные меры». Приспособление писателя к современности есть требование времени. Но если писатель приспособляется и в «временных мерах», то начинают протестовать даже сами администраторы».

Пришвин, художник, по-своему чувствующий эпоху, не мог простить суетничества и поспешного подлаживания к времени. Он чувствовал в этом неверный путь, ведущий к неправде, фальсификации, лавировке, равнодушию, штампу и «стиранию лица».

В поздних дневниках писатель много пишет о типе и характере, правильно различая их по принципу сходства и различия. Тип строится на сходстве и общности, характер — на различии, индивидуальности и анализе. И в творчестве Пришвина характер решительно преобладает над типом.

Проблема типа и характера чрезвычайно интересно, остро поставлена и частично разработана Пришвиным в его последних дневниках, так же как и ряд других

эстетических и этических проблем о «творческом поведении» художника, о поэтическом образе, о таланте. Все это материал для большого исследования.

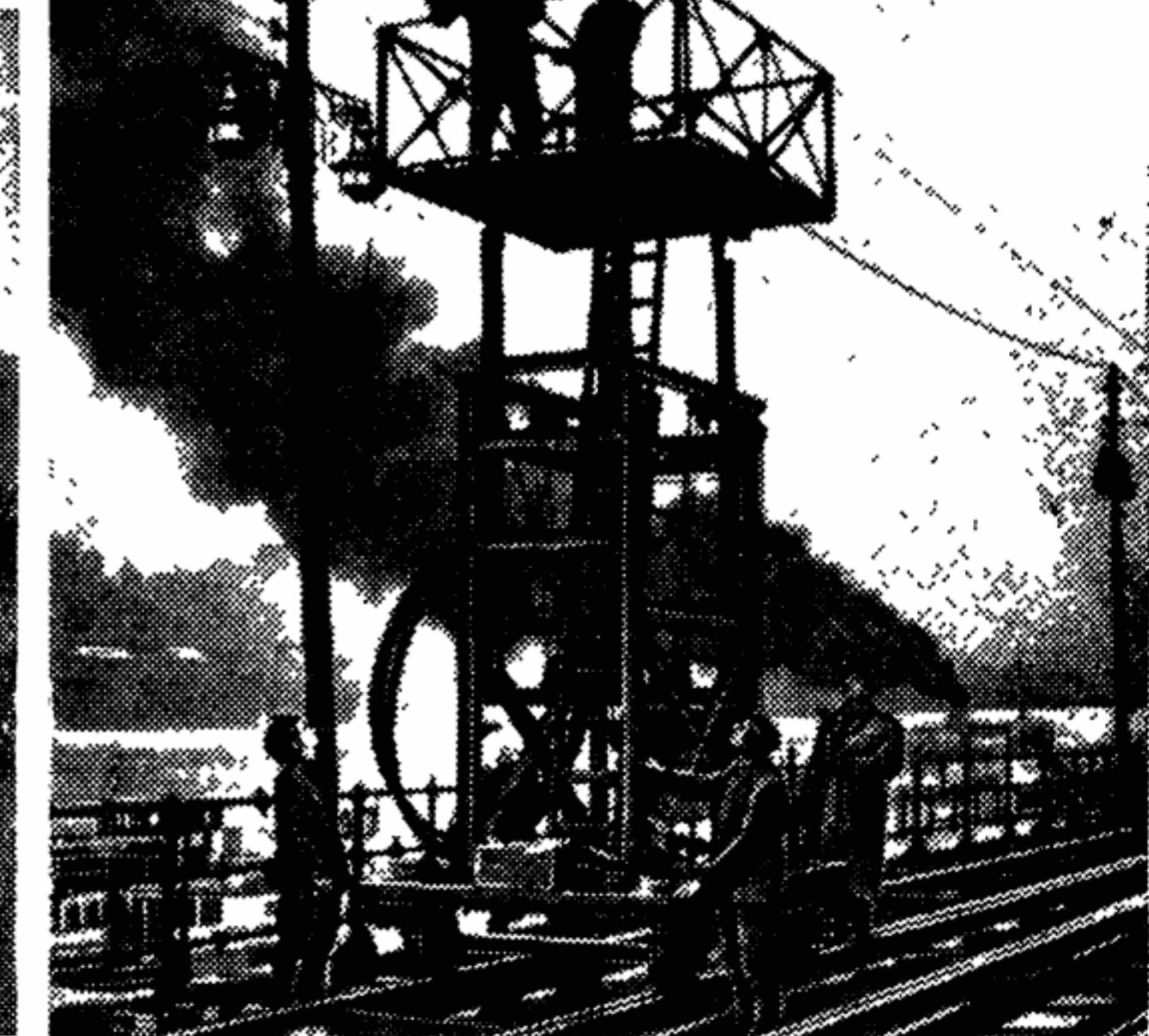
Новые публикации дневников Пришвина — неочередной источник для изучения его творчества, для живого ощущения Пришвина — человека и художника, для стройного и последовательного представления о его писательской позиции.

Возникает только некоторое сомнение в самом принципе этих пока поспешно опубликованных публикаций.

Казалось бы, наиболее естественно печатать их в хронологическом порядке, в той последовательности, как эти отклики на действительность влиялись из-под пера Пришвина. Это дало бы нам наиболее полное и живое представление о ходе мысли художника, о времени возникновения его замыслов и обобщений, о непосредственной связи этих записей с жизнью. Если же избрать более механический принцип тематических подборок, надо было бы весь материал сосредоточить именно в пределах этих тематических подборок или общих циклов.

Иначе получаются неизбежные повторения, подобные черновым вариантам или разным редакциям одной и той же мысли. В разных разделах и даже на разных печатных площадках эти варианты дробятся, кажутся отрывочными, теряют последовательность и стройность. Если следовать тематическому принципу, нужно было бы более всерьезно отобрать главное, избрав выразительный, тем более, что сам Пришвин, подготавливая издание своих дневников отдельной книгой, говорил о необходимости «очистения» и отбора. Об этом следует подумать перед выпуском в свет отдельного издания книги «Глаза земли». И тогда новые публикации позднего Пришвина станут настоящим подарком и подлинной радостью для всех «несомненных друзей», к которым всегда было обращено его творчество.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ ВЕНГЕРСКОЙ СТОЛИЦЫ

«Венгрия — это прежде всего Будапешт», — говорят венгры. Будапешт — один из самых красивых и древних городов Европы — приобретает сегодня свой прежний облик, залечивает тяжелые раны, нанесенные ему контрреволюцией.

Придем по Будапешту! Многолюдно на улицах города. Они быстро приводятся в порядок. Вот на первом снимке слева бригада рабочих управления Будапештского совета ремонтирует мостовую на углу улицы Кошута и бульвара Танач. На втором снимке — расчистка проспекта Юленя. А на следующем фото показана автобусная остановка на площади Мадач.

На набережной широкого Дуная в Пеште бригада рабочих восстанавливает воздушную сеть трамвайной линии (снимок крайний справа). В городе работают не только трамваи, но и автобусы, такси. Метростроительные работы, растет число пассажиров.

На заводах и фабриках Будапешта создаются добровольные бригады, которые помогают расчистить улицы, восстанавливать общественные и жилые здания.

В столице действуют все магазины, за исключением тех, которые были разрушены и опустошены. Поток грузовых машин, на кузовах которых написано «Продовольствие», свидетельствует, что Будапешту не угрожает голод, как это пытались внушить население ушедшая в подполье реакция. Открыты закусочные, кафе, рестораны.

Вновь закрываются залы кинотеатров, здесь идут сменяющиеся кинофильмы. Достаточно перелистать страницы будапештских газет, чтобы убедиться в оживлении творческой жизни столицы. Печать публикует статьи, посвященные проблемам театра, сообщает о начале работы над новыми спектаклями.

Жизнь Будапешта входит в нормальную колею.

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ В КАНУН 1957 ГОДА

О. ПРУДКОВ

Англо-французская агрессия в Египте, действия контрреволюционеров в Венгрии вызвали обострение международной обстановки. Это обострение приветствуют и используют сейчас в своих интересах те круги, которые мечтают о сохранении политики «с позиции силы» и о возобновлении «холодной войны». Не в последнюю очередь это относится к германским империалистам и реваншистам.

Вскоре после разгрома Германии в первой мировой войне один из немецких руководителей Густав Штрессман заявлял, что «трагедией нашей внешней политики является то, что за ней не стоят прусские и германские армии, на которые мы когда-то опирались Фридрих Великий». О том же сожалел ныне боннский правитель. Когда венгерские фашисты связались по телефону с боннским министром обороны и попросили военного вмешательства, прямой помощи контрреволюционному мятежу, там были вынуждены отказать. Позже министр обороны Йозеф Штраус объяснил, что «разумнее, федеративная республика не могла пускаться на военную авантюру. Однако во время этого напрасного телефонного разговора в министерстве обороны ощущалась безмерная скорбь».

Безмерная скорбь по реальной военной силе! Подобно Штрессману, боннские политические деятели как можно скорее стараются утешить эту скорбь. Выступая недавно в очередной речи, канцлер Аденауэр подтвердил свое неизменное желание следовать политике силы. Он сказал: «Ни один человек не может от меня потребовать, чтобы я проповедовал политику слабости. Я говорю «да» политике силы».

В Западной Германии заметно активизировались реваншисты и милитаристы. Программа Аденауэра проводится в жизнь. Запрещение Коммунистической партии Германии, введение всеобщей военной повинности, включение бывших офицеров в состав западногерманской армии, атомное оружие — таквы хорошо известные факты. Прогрессивная печать с тревогой пишет о «возврате к 1933 году», году, когда пришел к власти Гитлер, когда Германия начала открыто готовиться к войне. В боннской политике много знакомых черт прошлого.

Всем памятна роль немцев монополией в подготовке и развязывании второй мировой войны. Нынешний этап реинтеграции Германии характеризуется все более активным участием германских капиталистов в восстановлении армии, разрывании мощной военной индустрии.

В конце прошлого месяца состоялся переговорный процесс между представителями правительств и крупных промышленных фирм относительно размещения военных заказов. До сих пор ФРГ в основном производила только легкое оружие, приобретая тяжелое вооружение в США. Ныне боннские военные эксперты решительно требуют изменения. Во Франкфурте-на-Майне около 150 фирм уже объявили о намерении производить ракеты. Налаживается авиационное, в том числе строительное реактивных истребителей. 50 предприятий собираются выпускать снаряды больших калибров, другие фирмы хотят строить бронетранспортеры и бронетанки, которые, по словам западногерманского агента ДНА, будут «отличаться очень большой подвижностью и высокой скоростью». Журнал «Дер шпигель» констатировал, что «общественность даже не представляет, как далеко зашла в Западной Германии подготовка к созданию военной промышленности».

Заканчиваясь в этих сессиях НАТО решила, что через 12 или 18 месяцев западногерманская армия будет оснащена атомным тактическим оружием. Подобное развитие событий наблюдатели преискусно предсказывали еще в те дни, когда Бланк был заменен на посту министра обороны Штраусом — решительным сторонником атомного вооружения бундесвера. Вот что, к примеру, пишет о нем американский журнал «Таймс»: «Штраус хочет создания эффективных наступательных сил с преимущественным положением авиации, вооруженной тактическим атомным оружием, хотя Германия, по условиям догово-

ра, отказалась от права владения этим оружием». Нынешняя сессия НАТО пинично презрела «договор» — ту часть пресловутых парижских соглашений, которая запрещала Западной Германии иметь атомное оружие... Ясно, почему боннский министр Штраус позволяет себе делать наглые реваншистские заявления. «Мы живем в век техники», — не так давно заявил он, — когда объединенных сил союзников достаточно для того, чтобы стереть Советский Союз с географической карты».

Милитаристская возня в ФРГ происходит на фоне подготовки к предстоящим в будущем году парламентским выборам. Правящая христианско-демократическая партия Аденауэра (ХДС) сейчас, в частности, всячески рекламирует свои внешнеполитические «успехи». На франко-германских переговорах, состоявшихся минувшей осенью, Франция сделала ряд уступок в саржском и других вопросах. Однако эти «успехи» следует отнести не столько за счет умелой немецкой дипломатии, сколько за счет капитулянтской политики французских правых кругов. Повторяется примерно то же самое, что было накануне второй мировой войны. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» констатирует: «Западная Германия играет решающую роль в обороне Западной Европы». Таким образом, как и в недалеком прошлом, ФРГ получает уступки благодаря тому, что проводит реинтеграцию.

Именно реинтеграция — главное в боннской политике, главное в европейских планах Вашингтона. И именно это подрывает позиции ХДС. Ибо Западные Германия 1956 года существенно отличается от Германии 1933 года.

Протест общественности против перевооружения никогда не был столь велик в стране, несмотря на драконовские меры, принимаемые властями. Идея реинтеграции, идея новой войны крайне непопулярны в Западной Германии, гораздо в большей степени, чем это выходит из рамок на страницах печати. Один из членов комиссии бюджета по вопросам обороны констатировал, что сопротивление большей части населения — огромное препятствие на пути создания новой армии.

Для подобной оценки есть все основания. Это сопротивление принимает различные формы. Можно сказать, что в самой психологии среднего немца, которого еще с давних времен правители приучали с почтением относиться к военной форме, происходят значительные перемены. Вот примеры, приведенные бельгийской газетой «Ле суар» в статье члена французской академии Робера Г'Аркура. Солдат бундесвера зашел в мюнхенскую пивную. Хозяин отказался его обслуживать; оказывается, он дорожит своей репутацией и не желает превращать пивную в «заведение для солдат». С недавнего времени, продолжает газета, на многих кафе в Западной Германии висит объявление для страны: «Военным вход запрещен».

Эти, на первый взгляд малозначительные эпизоды тем не менее отражают настроения умов в Западной Германии. Во многих городах солдаты в новой военной форме вызывают раздражение молодежи, нередко происходят столкновения. В той же статье газета «Ле суар» приводит высказывания одного видного западногерманского журналиста, который признает, что «немцам солдату грозит опасность завтра оказаться изолированным от своего народа. Он не будет жить вместе с народом, он будет существовать рядом. Вырастают преграды между ним и народом, из которого он вышел и который он должен защищать. У нас за плечами две пограничные войны. Мы узнали бесполозный героизм, миллионы смертей, города, превращенные в развалины, и, наконец, после краха презрение ко всему тому, что связано с армией. На долгие годы слова «солдат» и «преступник» стали синонимами. Враждебность в милитаризме загляла во многих сердцах яростную ненависть».

Яростная ненависть! Как видно, времена, когда в Германии распевали песенку «Ja, der Soldat ist der schönste Mann im ganzen Staat» (Да, солдат — самый прекрасный человек во всем государстве), не так-то легко восстановить. С выводами «Ле суар» перекликаются свидетельства тех органов западной печати, которые решаются взглянуть в лицо фактам. Так, американский журнал «Каррент истори» в ноябрьском номере, подчеркивая отличие нынешней Германии от Германии прошлого, пишет: «Сегодня эта любовь (к армии. — О. П.) исчезла. Германская молодежь, включая ветеранов последней войны — людей, которым теперь уже за тридцать, решительно покончила с прежним обожанием армии».

Все это определяет многое в жизни ФРГ. И прежде всего сличное медленное, по сравнению с намеченными сроками, создание бундесвера. Это, между прочим, послужило одной из причин отставки Бланка. Но удается ли Штраусу улучшить положение? Во всяком случае ХДС — партия реинтеграции — неизменно теряет голоса на выборах в местные органы власти в разных землях Федеративной Республики. Некоторые сторонники канцлера в бундестаге покинули его, и, вопреки мудрой пословице «не менять лошадей во время бродя», Аденауэр в последний год его полномочий пришлось пойти на серьезную реорганизацию кабинета.

Планы возрождения германского милитаризма всегда маскировались интересами европейской «безопасности». Десятки дипломатических комбинаций — от Лорана до Мюнхена — стыдливо, прикрываясь готовыми маршировать на Восток солдат вермахта. Ныне Аденауэр снова повторяет эти бесконечные всеевропейские вариации. Так, в начале декабря французская католическая газета «Круа» опубликовала статью боннского канцлера, в которой говорится, что «Европа сможет существовать перед лицом советского блока лишь в том случае, если она будет идти рука об руку с азиатско-американской державой». Он призывает к «созданию Европы» с участием Англии и всех других западных стран, которые «будут приняты с удовольствием».

Знакомые, банальные мысли! Бриан и Штрессман в тридцатых годах «спасали» Европу от большевиков Аденауэр гугает несуществующей «советской угрозой». И все это то чтобы оправдать перевооружение германских милитаристов.

Большинство населения Западной Германии понимает, что политика реинтеграции, проводимая боннскими кругами, возмущает непреодолимо препятствие на пути всеобщей Германии Боннские политики не учитывают реальную обстановку — существование на территории Германии двух государств — и отказываются вести переговоры с ГДР. А ГДР никогда не пойдет по пути реванша и войны.

Сегодня оппозиционные партии более трезво оценивают перспективы западногерманской политики. Председатель социал-демократической партии Эрих Олаухауэр на пресс-конференции в Дели подчеркнул, что единственным средством решения германской проблемы является пакт европейской коллективной безопасности в рамках ООН с участием СССР и США. Его заместитель Меллис требует выхода Западной Германии из НАТО. Правда, тот же Олаухауэр отказывается вести прямые переговоры с ГДР, хотя это самый действенный метод ликвидации раскола страны. Но вместе с тем приведенные высказывания, несомненно, в большей степени соответствуют настроениям общественности.

Германские милитаристы ждут своего часа. Они мечтают о том времени, когда их политика будет снова опираться на германские армии, как при Фридрихе. На сессии НАТО министр иностранных дел ФРГ фон Брентано угрожающе говорил о том моменте, когда Западная Германия «будет вынуждена» вмешаться в дела Германской Демократической Республики. Однако эти реваншистские стремления наталкиваются на растущее сопротивление внутри страны. И недаром в христианско-демократической партии растет тревога за исход предстоящих выборов.

Двухтомник Тодора Павлова

ПРЕЗИДЕНТ Болгарской академии наук Тодор Павлов известен нашей научной общественности как выдающийся философ-марксист. Его труд «Теория отражения» был издан в Советском Союзе и вызвал оживленную полемику. К сожалению, интересные работы Т. Павлова по эстетике и литературоведению до сих пор не переведены на русский язык. Недавно издательство Болгарской академии наук выпустило в свет два тома избранных литературоведческих, литературно-критических и эстетических работ Тодора Павлова, пятидесятилетие научно-публицистической деятельности которого болгарская общественность отмечает в эти дни.

Статьи двухтомника сгруппированы по разделам: борьба с фашистской идеологией и субъективистской эстетикой, вопросы литературного наследия, социалистический реализм в Болгарии и СССР, марксистская эстетика.

Поражает широта интересов Тодора Павлова-литературоведа. Его интересуют классики западноевропейской литературы — Шекспир, Ибсен, Мольер, русская и советская литература — Пушкин, Чернышевский, Толстой, Горький, Маяковский, болгарская литература прошлого и настоящего — Ботев, Каравелов, Вазов, Пенчо Славейков, Смирненский, Караулски, Димов, родственные сербская и хорватская литературы. Общее, что объединяет литературоведческие работы Павлова, — это использование опыта мировой и классической болгарской литературы для развития новой литературы социалистического реализма в Болгарии. Энциклопедичность литературоведческих интересов Павлова, его интерес к проблемам изобразительных искусств и музыки не случаен. От конкретного исследования он всегда стремится подняться к широкому обобщению эстетического характера.

Поблему эстетики давно интересовал Тодор Павлова. В результате многолетней и упорной работы он издает в 1937 году книгу «Общая теория искусства». Основные вопросы эстетики, в которой предпринимается, по словам автора, опыт «конкретизации марксистско-ленинской теории отражения» применительно к определению предмета искусства и его сущности. Изданные в 1949 г. «Основные вопросы эстетики» углубляют и дополняют проблемы, поставленные в первом варианте книги.

Названия многих статей раскрывают эстетическую проблематику работ Павлова. «К вопросу об отношении между мировоззрением и художественным методом», «Искусство, смех и критика», «К отношению действительности и искусства», «Искусство и религия», «Об объекте (предмете) и субъекте искусства», «О типическом в действительности и его художественном отражении в искусстве». Автор выступает борцом против идеалистических теорий искусства не только в Болгарии, но и за рубежом.

Т. Павлов подчеркивает, что искусство — специфическое общественное явление, выполняющее особую роль в жизни

Тодор Павлов. «За марксистская эстетика, литература, наука и критика». Статьи, доклады, изданные, рецензии. Т. 1. 1929—1954. Стр. 476. София, Т. 2. 1937—1955. Стр. 508. София, 1955.

людей, роль воспитательную, формирующую. Но это воспитание не чисто дидактическое, а эмоциональное. Красота есть «великое порождение жизни и ее великое оружие... для всестороннего развития, радости и счастья человека». Ученый пишет, что искусство должно «доставлять нам эстетическое, эмоциональное наслаждение, мобилизовать, организовывать и преобразовывать не только наши ум и идеи, но и наши чувства и эмоции». Определение специфического предмета искусства позволяет Павлову создать стройную систему эстетических взглядов.

Менее разработаны соображения Павлова о методе социалистического реализма, хотя и здесь много интересного. Павлов подчеркивает, что социалистический реализм возникает как отражение «новой и высшей общественно-исторической действительности, которая неизбежно становится основным или главным предметом объективно-художественного познания и творческого изменения...» Бурно меняющаяся жизнь человека новой эпохи требует от искусства, желающего сохранить связь с жизнью, романтического подхода к ней как изображения тенденций развития, коренящихся в действительности. «Социалистическая романтика», — пишет Павлов, — возможна только на основе социалистического реализма и включается в него не эллитически, а как его специфическая, органически присущая ему черта или сторона».

Часто теизм о многообразии форм и средств социалистического реализма приобретает в нашей литературе декларативный, бездоказательный характер. Павлов (и в этом его заслуга) теоретически обосновывает объективные и неисчерпаемые возможности социалистического реализма.

Пропаганда Тодором Павловым метода социалистического реализма в Болгарии сыграла большую роль в становлении новой литературы. Можно было бы назвать имена многих писателей — Орлина Василева, Светослава Минкова и других, пришедших в новую литературу под воздействием этой пропаганды.

Путь Павлова в изучении вопросов марксистской эстетики был сложным, противоречивым. Автор сам пишет, что «в последовательной разработке основных вопросов эстетики он преодолел ряд сложных сторон и неточностей некоторых ранних своих суждений, оценок и формулировок».

Трудно рассказать о всем многообразии в широте научных интересов болгарского ученого, в своих литературоведческих и эстетических работах часто опирающегося на опыт и достижения советской литературы. На страницах его книги горит живая, ищущая мысль марксиста.

Работы Павлова, основанные на обширном фактическом материале, имеют не только национальное значение. Они должны войти в необходимый фонд исследователей искусства, дойти до широкой массы читателей.

Л. ВОРОБЬЕВ

НА СИНАЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Стремясь помешать продвижению чрезвычайных международных сил ООН, израильские иерусалимские разведки на Синайском полуострове около 250 километров асфальтированных дорог, взорвали все строения, разобрали железнодорожное полотно и угнали подвижной состав. Окупанты заминировали значительную часть территории Синая.

Еще в ноябре египетский журналист Исмаил Абд ат-Таваб и фотограф репортер Хамид ан-Нагиб, перелетев в районе Искандрия Суэцкий канал, проникли на Синайский полуостров. Репортаж об этом вылезает в тал противника был «печатан в иерусалимском журнале «Ат-Тадрир» в номере от 27 ноября.

Ныне мы публикуем сокращенный перевод этой корреспонденции.

Мы на Синайском полуострове. Теперь мы начали углубляться в бескрайний песчаный океан. В 15 километрах от берега обнаружили первые следы присутствия врага. Это были оставленные им здесь военные карты. На этих картах показано расположение минных полей, устроенных израильскими войсками на той самой дороге, по которой пройдут подразделения чрезвычайных международных сил ООН.

В 20 километрах от побережья на дороге к Абу Аджеила мы увидели желтую табличку на участке, огороженном колючей проволокой. На табличке изображен красный треугольник и выведена надпись на языке иврит предупреждающая, что здесь минное поле (см фото внизу). Это предупреждение делалось, конечно не для нас, а для израильских вооруженных сил, которые отошли отсюда, забыв выдернуть желтую табличку! В стороне от дороги мы сложили в кучу десятки извлеченных нами мин. Нам помог араб-кочевник. Как и его родичи, он сердечен и духом с Египтом. Здесь было 85 мин, на которых имелось клеймо: «Сделано в Англии».

Наши друг будней предупредил нас, что недалеко находится израильский патруль. Мы посмотрели в бинокль. Примерно в двух тысячах метров от нас группа израильских солдат устанавливала мины. Солдаты, по-видимому, прибыли на стоянках тут же 6 джипов и 3 грузовика. Внезапно нас обнаружили. У противника все пришло в движение. Мы подверглись сильному обстрелу.

Вскоре все стихло. Убедившись, что неприятель ушел, мы подошли к тому месту, где были расставлены мины. Там мы наткнулись на карту, на которой были отмечены места расположения 104 мин на участке длиной в километр и шириной в полкилометра по обеим сторонам дороги, ведущей в Эль Ариш.

Когда мы собрали карты, несколько мин и кое-какое оружие, начали опускаться о возвращении, солнце уже поглотилось. Возвратила темнота. Дул сильный, холодный ветер. Перегрывалась ночью через канал в Исмалию было опасно. Фоторепортер, будний и я всю ночь просидели во рву, в пустыне, не сомкнув глаз.

А утром... мы позабыли о том, что собирались вернуться. Мы решили снова отправиться в пустыню. В 50 километрах

от Суэца в пустыне мы обнаружили обломки самолета, подожженного снарядами египетских зениток.

Тут же мы нашли остатки снаряжения французского пилота реэволюцию лодку и спасательный круг, на котором французский пилот написал стихотворную строфу. Это должно было сохранить его при вторжении в Египет. Но египетские зенитки подстергали пилота на линии канала. Самолет загорелся в воздухе, и его останки поглотила пустыня. В стихах говорится: «Иди к Африканским вратам, о смелый пилот, и открой их для победоносной Франции».

Африканские врата здесь — это Египет. Но прежде чем французский пилот сумел открыть эти врата для Франции, его сблели египетские пушки. Ныне его

оплакивает «победоносная» Франция, на долю которой достались поражения, позор и унижение...

На дороге валялись пустые консервные банки, пивные бутылки, оружие, которое побросал израильский патруль. На всех предметах снаряжения значилось «Сделано в Англии», «Сделано во Франции».

Мы провели в Синае 48 часов. Виденное убеждает нас в том, что Израиль решил умышленно затруднить деятельность чрезвычайных международных сил ООН. Израиль использовал удобный момент прекращения огня для того, чтобы разрушить дорогу, усеять ее противопехотными и противотанковыми минами и тем помешать продвижению чрезвычайных международных сил ООН.

Алексей Иванович Колосов

Умер Алексей Иванович Колосов — один из виднейших советских очеркистов, талантливейший бытописатель русской деревни. Четыре десятилетия проработал его кипучая деятельность писателя-публициста. Военный журналист Туркестанского фронта, сотрудник «Известий», специальный корреспондент «Правды», проработавший в центральном органе партии почти тридцать лет, он всегда был в гуще жизни, встречался с сотнями интереснейших людей нашего времени, и рассказывал о них ярко, проникновенно, с максимализмом.

Особенно хорошо изучил Алексей Колосов жизнь колхозного села. Будням и празд-

никам колхозного крестьянства посвящены лучшие книги А. И. Колосова «Былое и настоящее», «Новое поле», «Рассказы разных лет», «На родной ниве». Эти книги — художественная история становления и расцвета колхозного строя в нашей стране.

Алексей Иванович Колосов останется в нашей памяти как великолепный писатель, как отзывчивый друг и товарищ, страстный борец за новое отдавший свой талант служению народу.

Секретариат правления Союза писателей СССР, Правление Московского отделения СП СССР.

Президиум правления Московского отделения Союза писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти писателя, члена Союза писателей СССР

Алексей Иванович КОЛОСОВА и выражает свое соболезнование семье покойного.

Алексей Иванович КОЛОСОВА и выражает соболезнование семье покойного.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА В ДАЛЯ (дополнительный тираж) Цена тома 25 руб. Все 4 тома выйдут из печати в 1956 году. Подписка принимается в книжных магазинах и книготоргов. Главкиниготорг Министерства культуры СССР

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛКИН, Г. ГУЛИН, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Е. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФЛОЛОВА.